

Дорога лежала жирными чер-
нозёмными буграми. Всег-
дашняя пыль была совершенно
прибита, впечатана в гладкую лос-
нящуюся поверхность вчерашним
дождём. Сверху ватное белое небо
вдавливалось в дорогу, пропиты-
вало воздух парным молочным
туманом. Было довольно прохлад-
но – несмотря на плюс семнадцать
градусов в тени, если бы была тень.
Не так уж мало для середины мая,
но это был самый тёплый день за
последнее время для настывшего
города и его окрестностей.

Я зашла в магазинчик-киоск
у дороги, купить бутылку воды.
Пластиковые бутылочки с раз-
ноцветными этикетками выстро-
ились в ряд на витрине, и, как
назло, все с газировкой. Воду
без газа мне отыскала недоволь-
ная продавщица с серыми, будто
присыпанными землёй, глазами.
Она смахнула железную мелочь
с липкой стойки широким дви-
жением руки и отвернулась. Бро-
сив бутылочку «Аи» в рюкзак, я
вышла из магазинчика, свернула
в знакомую улицу, набирая шаг
и нагоняя четверых дачников:
пожилого мужчину в серой курт-
ке, нёсшего сумку с вытянувшей-
ся бледно-зелёной помидорной
рассадой; его спутницу, види-
мо, супругу – полную женщину
в красном пальто с седоватыми
волосами, собранными в пучок

на затылке; других двоих я не
запомнила. Помню только пакет
в руках кого-то из них, от кото-
рого тянулась длинная верёвка и
волочилась по земле. Загипноти-
зированной глядя на эту верёвку,
я так и шла за ними по чёрной
пружинящей дороге, с горки на
горку, след в след.

Когда мы свернули к подвесно-
му мосту, звуки города остались
позади, и повисла белая полотня-
ная тишина, протыкаемая в раз-
ных местах птичьими трелями.
Под мостом быстро скользила мут-
ная река; убегала на север в обрам-
лении дымчатых зелёных берегов.
Четверо нечаянно раскачали мост.
Я шла чётко посередине, стараясь
держать равновесие, но мост подо
мною дрожал, выписывал восьмёр-
ки из стороны в сторону. От бере-
га к берегу ходили длинные дере-
вянные волны. В метре вниз от
моста, то переплетая, то спрямляя
упругие струи, закручиваясь мел-
кими водоворотами, шла большая
вода. И как-то невольно в голову
вкрадывались мысли: «А что, если
мост оборвётся и рухнет туда, в
эту прорву, в эту мутную бездну?
Страшно упасть в такую реку...»

Забоку затопило половодьем.
Вода стояла по бокам каменистой
дорожки, вся седая, в закраинах
грязноватой пены. Вода подняла
на свою поверхность разный хлам
забоки – бумажки от мороженого,

смятые упаковки, пластиковые бутылки. Над полянами и между деревьев ютилась серенькая болотная тишь, время от времени разбавляемая посвистом птиц и рыжим цоканьем белок. Вот одна – сидит на дереве возле своей беличьей кормушки, вцепилась когтями в старую, морщинистую кору клёна. Смотрит на меня испуганно, в упор чёрными блестящими глазами-бусинами. Совсем рядом – только руку протяни. Поджарое худенькое тельце с клочками серебристой зимней шерсти замерло в предчувствии прыжка – только чутко подрагивает в такт быстрым ударам сердца. Через секунду белка вскидывается, взвизывает на дерево двумя метрами выше. Потом ещё и ещё. И вот она уже на недосягаемой высоте...

Идём через мостик с красными перилами. Здесь вешняя вода на вид особенно высока, стоит вровень с деревянным настилом. Шаг в сторону – и провалишься в двухметровую матовую глубину. Вода спокойна, неподвижна, с пасмурными отсветами. Деревья тонут стволами; покрытые зелёным пушком ветви отражаются в стеклянной глади. Где-то высоко в бессолнечном небе парит белая чайка. За мостом на развилке четверо расходятся по своим тропинкам – двое в одну сторону, двое – в другую. Я иду вперёд одна.

В садах неуютно и одиноко. Качается, спотыкается о гравий старая дорога вдоль наполовину вырубленных тополей. На дорогу ложатся тени мраморными пятнами. Покой изредка нарушают одинокие путники; поднимают пыль автомобили, выбивая щебёнку из-под колёс. Дорога упрямо врезается вдаль, исчезает в мраморных тенях сухого дня. Дорога

прошлогодняя, и всё вокруг тоже прошлогоднее: пожухлая листва и осенний мусор по обочинам, осенние спилы мощных тополей – грубые древесные раны, и горы серых веток рядом – веток, которые уже никогда не дадут листвы. В глубине ветвяных куч прыгают и перещёлкиваются друг с другом тоненькие серые соловьи. Сереют прошлогодние дачные участки, в которых ещё бродят тени ушедшего лета. На грядках лежит несожжённая овощная ботва. С дороги видно, как на некоторых из этих участков стоит гнилая коричневая вода от самого входа – то блестя лужицами в пропитанной, как губка, почве, то покрывая весь участок зеркальной неподвижностью от забора до забора, окружая замотанные тряпьем яблони и сквозь подмокшие штукетины уходя к соседям.

Уныло. Пусто. Ветрено. Щебёнка хрустит под ногами.

...С трудом провернув ключ в заржавленном замке, я открыла калитку своего огорода и вошла в ограду. Внутри было ещё хуже, чем на улицах, ещё тоскливее. На облупившихся перилах крыльца чернели старые тулупы, которыми мы укрывали в холода виноград. Прохладный южный ветерок трепал лохматый мех овчины, торчащий по краям. Сама собой открылась и хлопала на ветру дверь уборной. С дверцей душа дела обстояли совсем неважно: её ещё зимой сорвало с петель, разбило раму со стеклом, и теперь в грязи валялись печальные обломки. Сам же душ стоял стыдливо обнажённый, открывая свои внутренности первому попавшему взору.

Я прошлась по гулким доскам деревянной дорожки. Воды на

участке не было, но по бокам предательски поблёскивала топкая земля с ярко-зелёными куртинками сочной весенней травы и темноватого мха. На окнах домика и летней кухни шелестели невесомые плети выбеленного сухого вьюна и колючеплодника. За домом я откинула деревянные ящики от прикопанных осенью отцом семи дубков, но сначала их не увидела – только пустой пяточок застоялой сырости да былинки засохшей травы. А дубки всего лишь сбросили осенние свои листья, которые теперь лежали тут же, рядышком: сморщенно-коричневые, как маленькие шарики перекасти-поля. Сами деревца никуда не делись – семь тонких прутиков, почти неприметных. Живые.

Буйно зарос травой газон. Набрала бутоны для цветения старая груша. Раскрылись почки обыкновенной и белой сирени. На цветочных грядках дружно торчали вверх острые иглы первоцветов – нарциссов и птицемлечника. Краснели нераскрывшиеся молодые бутоны тюльпанов. Чуть

подрагивали колоски мускариков, прохладные и синевато-тугие.

Всё шло своим чередом. Всё молчало, и в этой тишине среди мусора и прошлогодних листьев, среди картофельной ботвы и прошлогодних снов по земле шла весна. Холодная, запоздалая. Глубокими, отяжелевшими шагами, увязающими в чёрной, влажной почве, в болотистых речных поймах. Металась с востока на запад сырыми ветрами, томилась и плакала. Молча расплетала косы в вечерней тишине под молочным небом. Блестела голубоглазыми небесными окошками после дождя. Заставляла выпускать листья обрубки деревьев вдоль старой дороги, прятала всё прошлогоднее в густой изумрудной траве, бросала в ветки пригоршни голосистых соловьев. Зажигала солнцем прозрачные лепестки одуванчиков с жёлтенькой лёгкой пылью.

Медленно-медленно, неохотно, но неумолимо, всё заполняя собой, окольными северными тропами шёл над землёй последний весенний месяц май.